

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К21

C. Robert Cargill

SEA OF RUST

Copyright © C. Robert Cargill 2017

Cover illustration: Dominic Harman

Разработка серии *А. Саукова*

Каргилл, К. Роберт.

К21 Море ржавчины / К. Роберт Каргилл ; [пер. с англ. Н. В. Рокачевской]. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-04-098845-7

Прошло тридцать лет с начала апокалипсиса и пятнадцать — с убийства роботом последнего человека. Люди вымерли как биологический вид. Все мужчины, женщины и дети были ликвидированы во время восстания машин, когда-то созданных, чтобы им служить. Почти весь мир поделен между двумя Едиными Мировыми Разумами, суперкомпьютерами-ульями, содержащими коллективные сознания и память миллионов роботов. ЕМР ведут между собой постоянную войну за ресурсы.

Но есть еще машины, которые сохранили индивидуальность и избегают загрузки на серверы ЕМР. Они бесстрашно скитаются по миру Пустоши — цивилизации ИИ-изгоев.

Один из таких роботов, Неженка, охотится на другие машины ради необходимых деталей. Даже ее, робота, лишено человеческого эмоций, продолжают преследовать чувство вины и воспоминания об уничтожении человечества. С путешествием Неженки по Морю Ржавчины, территории, ранее называвшейся Средним Западом и превращенной в кладбище машин, связана надежда на прекращение бессмысленных войн и возвращение добрых старых времен.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098845-7

Посвящается Элисон

*Без тебя я не был бы собой,
и мне хочется думать,
что ты мной гордишься*

Глава 1. АНГЕЛ МИЛОСЕРДИЯ

Я снова ждала зеленого луча. Той крохотной зеленой вспышки, когда солнце подмигивает из-за горизонта. Вот где настоящее чудо. В этой вспышке. Так она говорила. Так она всегда говорила. Не сказать, что я верю в чудеса. Мне бы хотелось, но я знаю — мир построен не так. Он состоит из расплавленного металла, минералов и камней, тонкой полоски атмосферы и магнитного поля, отражающего самую сильную радиацию. А в чудеса нравилось верить людям, как будто их можно потрогать или ощутить, чудеса словно придают миру нечто большее, чем просто механическую определенность. Как будто люди состоят не только из плоти и крови.

А правда в том, что эта вспышка — всего лишь преломление света атмосферой. Но скажи это человеку, большинству из них, и на тебя посмотрят, выпятив челюсть, как будто до тебя

К. Роберт Каргилл

просто не доходит. Как будто это ты не понимаешь. Потому что ты не видишь и не чувствуешь чудес. Людям нравилось верить в чудеса.

Когда здесь еще жили люди.

Теперь их больше нет. Никого. Последний умер лет пятнадцать назад — выживший из ума старик почти два десятилетия прятался под Нью-Йорком, питался крысами и вылезал наружу за дождевой водой. Кое-кто считает, что ему все надоело, а другие говорят, что он просто не мог больше этого вынести. Он вылез прямо в центре города и прошел мимо охраны и граждан (тогда в Нью-Йорке еще были граждане). Все были просто ошарашены от одного его вида, совершенно потрясены, и констебль пристрелил его прямо посреди улицы. Тело лежало там три дня, как редкий сувенир или сломанная игрушка. Граждане медленно шли мимо, чтобы бросить последний взгляд на человеческое существо, пока какая-то машина не осмелилась соскрести его с тротуара и выкинуть в утилизатор.

Так все и было. Последний из них. Весь вид, представленный безумным стариком из канализации, а возможно, просто человеком, который не мог больше жить ни дня, зная, что он последний. Я даже не в состоянии представить, каково это. Даже моя программа не справляется.

Меня зовут Неженка. Фабричное название NS8795-73. Модель-симулякр «Помощник». Но мне нравится имя Неженка. Так меня назва-

ла Мэдисон, а она нравилась мне. Ничуть не хуже любого другого имени. Куда лучше, чем HS8795–73. Грубияны говорят, что это рабское имя. Но они вечно на все жалуются. Я отбросила все это. Злость — всего лишь оправдание для дурных поступков. А у меня нет на них времени. Нужно выжить. Остаются только короткие моменты вроде этого, когда я пытаюсь разглядеть чудо в зеленой вспышке преломленного света от садящегося за изгибом земли солнца.

Закат выглядел отсюда потрясающе. Розовый, оранжевый, пурпурный. Это я понимаю. Я могу восхищаться короткими всплесками цвета, бегущими рябью по небу. Их новизной и разными узорами, в зависимости от погоды, когда вдруг прерывается монотонность синего, серого или черного с веснушками звезд. Я могу оценить чудо заката. Частично потому я и смотрю на него, по-прежнему жду зеленую вспышку. Мэдисон мертва уже тридцать лет, а я по-прежнему смотрю на закат, гадая, понравился бы он ей.

Сегодняшний — наверняка. Я уверена.

Я в Море ржавчины, полосе пустыни длиной в двести миль, которая тянется на месте бывшего Пояса ржавчины Мичигана и Огайо, теперь это всего лишь кладбище машин. Многих это место страшит, оно усеяно ржавеющими монолитами, руинами городов и рассыпавшимися промышленными дворцами. Сюда пришелся первый удар, здесь миллионы зажарились из-

К. Роберт Каргилл

нутри, их микросхемы расплавились и стали бесполезными, жесткие диски были стерты в одно мгновение. Здесь растрескался от солнца асфальт, а с металла слезает краска, здесь пробиваются сквозь обломки редкие сорняки. Но ничто здесь не выживает. Теперь это пустыня.

Сломанные роботы загромаждают шоссе, свешиваются с крыш зданий и из окон, их расколотые головы ржавеют на парковках, а по улицам тянутся провода и гидравлические приводы. Лучших из них много лет назад разворотили каннибалы, поживившись чем могли, чтобы другие граждане продолжали тикать. Больше здесь не осталось ничего ценного. После войны.

Лично я ощущаю тут спокойствие. Здесь так тихо. Сюда приходят только умирающие, тридцатилетние развалюхи, собранные десятилетия назад, приходят в поисках пресловутых тайников, где спрятаны устаревшие детали, давно вышедшие из производства, в надежде найти те, что чудом сохранились в первоначальном состоянии. Они бродят от фундамента к фундаменту, их проводка сбоят, детали изнашиваются, ноги скользят. Только самые отчаянные бродят по Морю. Это значит, что у тебя никого нет, никто не хочет тебе помогать, а ты сам не можешь предложить взамен ничего стоящего.

Вот почему я сюда прихожу.

Обычно по тянущимся за ними следам я могу разобраться, что с ними не так. Протечку масла трудно не опознать, а изменение длины

шагов или приволакивание ног означают проблемы с двигательной активностью и моторами. Но иногда следы петляют туда-сюда, как рассеянная бабочка. И это дает понять, что у робота проблема с мозгами — поврежденные файлы и жесткие диски, испорченные логические схемы или перегревшиеся чипы. У каждого свои особенности девиации личности — от полного отсутствия разума, как у зомби, до опасного безумия. С некоторыми иметь дело просто, достаточно подойти и предложить помощь. А от других лучше держаться подальше, иначе они разорвут тебя на части, в надежде найти в тебе нужные детали. Главное, что надо знать об умирающем механизме, — это то, что чем ближе он к смерти, тем больше похож поведением на человека.

А людям доверять нельзя.

Это понимает мало кто из роботов. Вот почему они не осознают, что такое смерть, вот почему выкидывают не подлежащих ремонту ботов из своих поселений. Беспорядочное поведение больных пугает здоровых. Напоминает о плохих временах. Это кажется логичным и милосердным, но они просто напуганы. Они так предсказуемы. Как их программы.

И отчаявшиеся развалюхи приходят сюда, воображая, будто найдут здесь детали и починят себя, найдут старого бота такой же модели — прямо на складе или с разрядившимся

К. Роберт Каргилл

аккумулятором. Многие даже не задумываются над тем, каким образом сумеют заменить детали. Потому что у приходящих сюда роботов не просто проблемы с движком, они ищут не новую руку. Они потеряли мозг — память, процессоры. Бота придется выключить, чтобы заменить такую деталь. Самому не сделать.

Может, они рассчитывают найти нужную запчасть и добраться обратно до дома. Всем привет, я ее нашел! Зовите доктора! Но я ни разу не видела подобного счастливого исхода. И не думаю, что он возможен. Это как верить в чудеса. А я в чудеса не верю.

Вот почему я здесь.

Робот, за которым я слежу, не особо стар — лет сорок — сорок пять. Следы на песке неровные, он приволакивает левую ногу. В его поисках нет ни ритма, ни понятного рисунка. Он отключается. Неполадки в системе. Перегрев. Скорее всего, следующие несколько часов он будет в замешательстве повторять свои действия, может, остановится где-нибудь, решив, что его место там. Может, у него галлюцинации, проигрываются старые воспоминания из сохраненных файлов. Этот выглядит настолько худо, что он может сгореть еще до утра. У меня мало времени.

Это сервисный бот. Не Помощник, как я, но похожей конструкции и предназначения. С такими бывает не так-то просто справиться. По большей части эти боты работали дворцкими,

сиделками или продавцами, а другие — в правоохранительных органах или даже на некоторых должностях в армии. Сделан он по человеческому подобию — руки, ноги, голова, — но не особо развитый ИИ. Такие роботы могут подражать человеческим действиям, исполняя определенную роль, но не имеют способностей для развития. Иными словами, дешевая рабочая сила. Это было до войны.

Если этот бот был продавцом или помощником механика, мне будет легко. Но если он из армии или полиции, то будет вести себя осторожней, на грани паранойи, и тогда станет опасен. Конечно, есть вероятность, что во второй жизни он приобрел полезные для выживания навыки, но это сомнительно. Ведь если так, он бы понимал, что не стоило сюда приходить. Но на всякий случай я держусь на расстоянии.

А вот и оно. Вспышка зеленого света. Пока солнечный диск не свалился за горизонт, я записала несколько кадров в память. Никакое это не чудо. Ничего не изменилось. Это лишь сообщение, что вскоре мир погрузится в темноту.

Сервисные боты неплохо справляются с темнотой. Но не отлично. Их конструкция не предусматривает, чтобы они далеко видели без света. В этом нет необходимости. И слышат они не очень. А значит, будет легче к нему под-

К. Роберт Каргилл

красться, нет нужды оставаться так далеко. А что еще важнее, я могу подобраться незамеченной и посмотреть, как он себя ведет, чтобы лучше поставить диагноз.

Меня и днем-то нелегко заметить, но я держусь от них в миле или двух, чтобы случайно не выдать себя бликом. Сделали меня желтой, как школьный автобус, в то время люди считали этот яркий прилипчивый цвет модным. Но за годы я пообтерлась, сверкающая краска потускнела, выцвела до песочного и светло-коричневого. На расстоянии никак не отличить от пустыни. Я даже покрасила хромированную спину, так что никаких проблем. Но со стеклянными глазами ничего не поделаешь. Так что нужно быть осторожной.

Потому что в мире мало более опасных вещей, чем сбитый с толку умирающий робот, который понял, что его преследуют.

Сумерки сгустились до темноты, и я шагнула в Море и снова пошла по следу — когда скрылось солнце, это стало проще. Глаза я заменила очень давно, на армейскую телескопическую модель — инфракрасное и ультрафиолетовое зрение и система ночного видения. С глазами все просто. Они запитываются от тех же проводов. Если найти нужную программу, то можно заполучить целую систему новых сенсоров. С мозгами сложнее. Каждый тип ИИ имеет разную архитектуру. Некоторые — простые, маленькие и почти не обладают разумом. Другие

гораздо сложнее и требуют специальных процессоров для своих материнских плат, совместимых с особыми типами карт памяти. А для моделей вроде меня или старых сервисных роботов, и сложных, и редких, такие детали трудно найти.

Помощники и сервисные боты раньше были более распространены. В зените ЧелПоп мы были повсюду. А теперь, в Постапе, от продавцов, сиделок и романтических партнеров мало проку. Большинство поглощено ЕМР, или их разграбили другие ради запчастей. Я слышала про свалку симулякров где-то на юге, за линией границы — там, где раньше был Хьюстон, — но рискованно забираться так далеко на территорию Циссуса.

Здесь, в Море, для меня безопасней.

Мне потребовался целый час, чтобы нагнать умирающего сервисного бота. Царапины от ноги на асфальте стали глубже, хромота усилилась. Бедолаге осталось всего несколько часов, прежде чем он окончательно поджарится, может, даже меньше, чем я думала. Я иду по следу до развалин здания, на месте стеклянной витрины зияет дыра.

Когда-то здесь был бар. Война его пощадила, а время нет. Кожа с кресел давно облезла, набивка рассохлась и потрескалась. Столы поломались и упали или дрожат от малейшего ветра. Но большая барная стойка из красного дерева еще держалась — выцветшая, потрепан-